хутор. Никак дворов триста.
— Церковь есть?
— А как-же, есть.
— Кузнецы есть?
— Кузнецы тоже? Есть и кузнецы.
— А при мельнице слесарная имеется?
Федот взволнованно закашлявшегося кондуктора и неприязненно оглядел черную шляпу, и морщины, на крупном белом лице втиснувшиеся в короткую черную бороду.
— Вам его чего надо-то?
— А я в ваш хутор переезжать жить. Сейчас вот был у станичного атамана. Во пропускном свете?
— Порожнем.
— Заверете меня? Только я не один, жена со мной да сундука пудов на восемь.
— Забрать можно.
Дз. Владились за два целковых. Федот заехал к фрукте-бувлешнице, у которой стоял на квартире подрядившей его, забрал свою шуйленькую безобразную женщину, установил в задок повозки окованные сундуки. Выехали из станицы.
Федот приглядывал помахивал на своего мышастого, вертел плоскою угловатой большой головой; его пересаживало невпопад. Пассажирка его скромненько сидела сзади, молчала. Федот сначала попросил закурить, а потом уже спросил:
— Во откель-же прибываете в наш хутор?
— Из Ростова.
— Тамошний рожак?
— Как вы говорите?
— Спрашиваю, родом откуда?
— А, да, да, тамошний, ростовский.
Федот поднимая бровь, сквозь сизый взглядывал в далекие заросли степной бурьяна: на изволок и на гребне в коричневом бурьянном сухостое, в полверсте от дороги калмыцкие зоркий глаз Федота различил чуть приметно двигавшиеся головки дудаков.
— Ружьишко есть, а то б заехали на дудаков. Вон они ходют... указал пальцем.
— Не вижу. — сознался пассажир поделено морщась.
Федот проводил глазами спускавшихся в балку дудаков и повернулся лицом к седокам. Пассажирка средней роста, слегка постаревшая, серые глаза светлели хитрецой, от разговаривая чисто улавливала и козырьком вытягивала верхнюю тусклую губу. Жена его закутавшись в вязаный платок дремала, лица ее Федот не разглядел.
— По какой-же надобности свете к нам в хутор на жительство?
— Я слесарь, хочу мастерскую открыть. Столярную.